

Культурное сближение как форма борьбы за глобальное доминирование в эпоху кризиса классического разума

В.С. Левицкий

Украинский институт стратегий глобального развития и адаптации, Киев, Украина

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-134-149

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье анализируется современное кризисное состояние мир-системы, проявления которого хорошо заметны в различных областях социальной реальности: науке, политике, религиозной сфере. В связи с чем обосновывается позиция, согласно которой все эти трансформации связаны с изменением культурной парадигмы, описываемом в терминах кризиса универсального разума. Вера в универсальный разум, фундировавшая всю культуру эпохи Модерна, подвержена сегодня существенной эрозии, что меняет весь ландшафт социальной действительности и смысл принятых в ней практик. Это, в свою очередь, сказывается и на функционировании мир-системы как целого, меняя и сами культурные приоритеты. Если раньше теория модернизации предполагала глобализационный процесс с включением в него всех субъектов на принципах западной модели, то сегодня, в свете отсутствия единой истины, мир сегментируется на культурные субмиры, построенные вокруг партикулярных ценностей и традиций. Сегодня можно выделить несколько таких ценностно-смысловых универсумов, являющихся альтернативами классическому современному проекту, фундированному просвещенческими ценностями: Американский проект, Русский мир, Исламский проект, Китайский проект сердцевинных ценностей. В связи с этим современный этап глобализации связан не с расширением Западного (модерного) проекта до масштабов ойкумены, а с конкурентной борьбой субмиров, альтернативных классическому Западнему проекту. В связи с этим очевидно, что культурная близость в таких условиях становится фундаментальным ресурсом, позволяющим конкурентным проектам расширять свой ареал действия. Когда в прошлое уходит вера в универсальный разум, а соответственно, и в существование Абсолютной истины, становится невозможной апелляция к всеобщим нормам и принципам. В этом случае остается апеллировать к собственной культурной традиции, стараясь сделать ее максимально привлекательной как для внутреннего, так и для внешнего «потребителя». Таким образом, культурная близость, которая, в силу разрушения универсального разума, неожиданно ста-

В.С. ЛЕВИЦКИЙ. Культурное сближение как форма борьбы за глобальное...

ла геополитической ценностью, оказывается не только частью культурной идентичности индивида, но и инструментом продвижения глобалистских проектов.

Ключевые слова: культурная онтология, проекты глобального развития, культурная близость, универсальный разум, модерн.

Левицкий Виктор Сергеевич – кандидат философских наук, директор Украинского института стратегий глобального развития и адаптации.

victor2609@ukr.net

<https://orcid.org/0000-0001-9744-5345>

Для цитирования: *Левицкий В.С. (2019) Культурное сближение как форма борьбы за глобальное доминирование в эпоху кризиса классического разума // Философские науки. 2019. Т. 62. № 3. С. 134–149. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-134-149*

Cultural Convergence as a Form of Struggle for Global Dominance in the Age of the Crisis of Classical Reason

V.S. Levytskyy

Ukrainian Institute of Strategies of Global Development and Adaptation, Kyiv, Ukraine

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-134-149

Original research paper

Abstract

The article analyzes the current crisis of the world-system, the evidences of which are apparent in various areas of social reality: science, politics, and religion. In this regard, the author argues that all these transformations are associated with a change in the cultural paradigm that can be described as a crisis of the universal mind. Belief in the universal mind, which founded the whole culture of the age of Modernity, is a subject to significant erosion today and it changes the entire landscape of social reality and the meaning of the social practices. Moreover, it affects the functioning of the entire world-system by changing cultural priorities themselves. In the past, the theory of modernization assumed a globalization process with the inclusion of all the subjects on the principles of the Western model, but today, due to the belief in the absence of universal truth, the world is segmented into cultural subworlds that are built around particular values and traditions. In our days, there are several civilizational projects (American, Russian, Islamic, Chinese) that are alternative to the classical project of Modernity, based on the the values of Enlightenment. In this regard, the current stage of globaliza-

tion cannot be considered as the global expansion of the Western (Modernity) project, but there is a competition of civilizational subworlds, challenging the classical Western project. It is obvious that under such conditions the cultural proximity becomes a fundamental resource that allows competitive projects to expand their sphere of influence. When belief in the universal mind and in the existence of the Absolute Truth recedes into the past, it becomes impossible to appeal to universal norms and principles. Therefore, it only remains to appeal to own cultural traditions, putting efforts to make them as attractive as possible for both internal and external “consumers.” Thus, the cultural proximity, which due to the destruction of the universal mind suddenly became a geopolitical value, turns out to be not only a part of an individual’s cultural identity but also a tool for promoting civilizational projects.

Keywords: cultural ontology, projects of global development, cultural proximity, universal reason, modernity.

Victor Levytskyi – Ph.D. in Philosophy, Director of the Ukrainian Institute of Strategies of Global Development and Adaptation.

victor2609@ukr.net

<https://orcid.org/0000-0001-9744-5345>

For citation: Levytskyi V.S. (2019) Cultural Convergence as a Form of Struggle for Global Dominance in the Age of the Crisis of Classical Reason. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 62, no. 3, pp. 134–149. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-134-149

Введение: о кризисе универсального разума

Сегодня уже очевидно, что мы присутствуем при системной трансформации культуры. Кто-то пытается ее осмыслить как кризис капитализма, кто-то как эрозию неолиберальной модели, кто-то как исчерпание потенциала глобализации. При том, что хотя бы с частью из каждой такой дефиниции можно согласиться, сущность современных изменений находится значительно глубже и касается самого смыслового ядра культуры.

За свою историю человечество, по крайней мере западная его часть, пережило не одну такую смену культурной парадигмы, всегда сопровождавшуюся катаклизмами и периодами нестабильности. К таким сломам можно отнести переход от мифа к логосу, имевший место в греческой архаике (Гомер, Гесиод). Переход от античного мира к христианскому смысловому универсуму, несомненно, является еще одной такой трансформацией культурной матрицы. Прощание с христианским мифом в эпоху Нового времени выступает как явление такого же порядка.

Как же можно описать современную нам культурную метаморфозу? Вероятно, наиболее исчерпывающе она обрисовывается в терминах кризиса универсального разума. Современное положение дел, как это уже было несколько раз в европейской истории, характеризуется сменой культурной парадигмы. На место веры в универсальный всеильный разум, который оформлял (обрамлял, цементировал) все здание культуры, приходит партикулярный, прагматичный разум как всего лишь один из инструментов систематизации жизненного пространства. Таким образом, во-первых, мы имеем дело с трансформацией самих основ культуры, можно сказать, с трансформацией онтологии культуры. Во-вторых, имя этой трансформации – кризис универсального разума. Разум стал относительным, а значит, и истина перестала быть абсолютной. На смену Истине пришли множественные истины. В результате чего современное состояние постправды (1) можно рассматривать как способ «нащупывания» новых стратегий культурного развития в изменившихся условиях.

Сегодня тема постправды стала специальным предметом многих философских исследований. Кто-то, как, например, Ш. Янасофф и Х. Симмет, осмысливают состояние постправды в рамках политического дискурса, не соглашаясь с пессимистическими диагнозами современного общества и обращают внимание на совместное производство смыслов в политическом дискурсе [Jasanoff, Simmet 2017]. В свою очередь, С. Фулер обращается к истокам феномена постправды и находит их уже в философии Платона, при этом отмечая позитивный смысл состояния постправды, в результате которого человек наконец-то вынужден взять всю ответственность на себя и не может больше прятаться за трансцендентность в виде Бога, Истории, Природы и т.п. [Fuller 2018]. Учитывая современное положение дискуссии, автор данного исследования в первую очередь обращает внимание на метафизический уровень проблемы, констатируя, что состояние постправды прежде всего свидетельствует об изменении онтологического основания культуры.

Проявление следствий этого изменения уже достаточно хорошо заметно в реальной жизни. Среди прочих отметим только несколько из них, которые, с одной стороны, довольно иллюстративны, с другой – настолько фундаментальны, что меняют целые регионы культуры (реальности). В политике это видно наиболее ярко. Здесь можно говорить о кризисе классических идеологий. Националь-

ный популизм [The Movement... 2018], как его называет один из его лидеров Стив Беннон, набирающий обороты по обе стороны Атлантики, разрушает привычные представления о самом политическом дискурсе. Если во времена веры в универсальный разум и либералы, и консерваторы, и республиканцы, и демократы были согласны в основном – в существовании высшей истинной цели, которую так или иначе можно свести к кантовской идее вечного мира, то популизм отрицает саму возможность такой высшей цели, предлагая за голос избирателя реализовать любые цели. Налицо предельная прагматизация политики.

С другой стороны, это в свою очередь угрожает самим принципам функционирования демократического общества. Демократия есть обратная сторона веры в универсальный разум, реализованная в пространстве политического дискурса. Э. Гуссерль, анализируя появление теоретической установки у древних греков и ее влияние на европейскую цивилизацию, писал: «...если идея истины самой по себе становится универсальной нормой всех бывающих в человеческой жизни относительных истин, действительных и возможных ситуационных истин, то это касается и всех традиционных норм, норм права, красоты, целесообразности, ценности личности властителей, ценности человеческих характеров etc» [Гуссерль 1994, 117]. Идея универсального разума и абсолютной истины имплицитно демократична сама по себе. Очевидно, что все перед ней (ним) равны и, в свою очередь, имеют равные права и возможности доступа к ней, вне зависимости от происхождения или иерархической позиции. Соответственно, разрушение веры в универсальный разум, разрушает и социальное бытие, построенное с опорой на эту веру: естественно, партикулярные истины отрываются не всему человечеству в равной мере, также не равны и возможности обрести истину для разных групп (этнических, социальных, культурных). Универсальный разум не знает индивидуальных отличий, разум партикулярный формируется вокруг этих отличий.

Невозможность абсолютной истины или как смена регулятивных идей сказывается на облике культуры в целом

Глубинные трансформации не обошли стороной и науку. Наука является смысловым ядром самой нашей техногенной цивилизации. Именно наука в контексте культурной онтологии была тем, что пришло на смену христианскому мифу. С этого момента наука,

как Прометей, указывала путь к светлому будущему, обещала ответить на все вопросы, взяла на себя интерпретационные и мировоззренческие функции. Теперь у науки нужно было спрашивать: что существует? Как поступать? К чему стремиться? Наука обещала привести человечество к Абсолютной истине, в свете которой разрешатся все мировые проблемы. В конце концов встреча эта (с Абсолютной истиной) так и не состоялась, проект же восхождения к абсолютному знанию путем усовершенствования наук, как его понимал, например, Лейбниц, оказался неосуществимым.

С тех пор, как выяснилось, что наука – не универсальный путь к Абсолютной истине, а партикулярная социальная практика, от нее перестали требовать доступа к Истине, а сконцентрировались на том, в чем она показала наибольшую эффективность, – прикладные, прагматические результаты. Была обоснована мысль о культурной относительности любого нашего знания, соответственно, исчезла сама претензия на Абсолютную истину, а познающий ее разум перестал быть универсальным, и наука из ядра культуры превратилась в наиболее эффективное средство решения насущных прикладных задач. Мало кого теперь интересует научная точка зрения на то, как устроена Вселенная «на самом деле» (не в последнюю очередь потому, что исчезло само это «на самом деле»), зато все требуют от нее более мощных смартфонов, искусственных частей тела или туристических полетов в космос. В связи с этим в области хранения и трансляции культурных доминант, можно сказать, в области поддержания культурной онтологии место академий наук, созданных как раз с целью поиска той самой непреложной объективной истины, занимают аналитические центры, указывающие прагматически оправданные цели и наиболее эффективные стратегии их достижения.

В конце концов, даже такое, казалось бы, мало подверженное изменениям явление, как религия, стремительно меняет свой статус, становясь все больше одним из факторов и инструментов продвижения геополитических проектов. Этот же процесс хорошо виден и на примере повседневной практики. Современный человек предпочитает поход на службу в церковь компьютерную игру или проведение времени в социальных сетях. Как когда-то по всему миру пытались найти уцелевшие святыни (кусочек Креста, Плащаницу, ступени, по которым поднимался Иисус к Пилату, и т.д.), делая их центральным местом храма, так сегодня, но уже на аукционах за огромные деньги покупаются вещи знаменитостей,

становясь частью чей-то коллекции. Календарь современного человека теперь строится не вокруг дат церковных праздников и связанных с ними постов, а вокруг дат презентации нового iPhone или выхода новых серий «Игры престолов».

Изменение культурной идеологии, связанное с отрицанием гегемонии универсального разума и опирающегося на его аксиомы мировосприятия, неизбежно сказывается на всех уровнях/горизонтах социального бытия. Возможно, наиболее масштабная и заметная трансформация связана с утратой веры в существование абсолютной в своей единственности истины – нормативного идеала и связанного с ним гранднарратива о приближении человечества к состоянию всезнания. Эта, по сути позитивистская, парадигма на протяжении столетий превращала любое конкретное состояние общества в один из моментов его продвижения по пути прогресса. Отдельные системы практики, социальные порядки и даже культурные миры входили в «общечеловеческую культуру» на правах ее модусов, всегда несовершенных воплощений, например, в качестве «темпоральных ступеней» – этапов, формаций. Идеал абсолютной истины оказался достойным конкурентом религиозных парадигм, а его универсальность позволяла преодолеть религиозную партикулярность. Однако вызов постправды, нивелирующий главную ценность культурной идеологии универсального разума – единственную истину, реанимировал идеологии религиозные. Сомнение в возможности всеобщего консенсуса перед лицом неоспоримой истины позволило в новом, куда более выгодном нежели еще несколько десятилетий назад, свете увидеть и оценить значимость частнокультурных аксиологий. Эти ценностные системы, несущие на себе отпечаток исторического пути, пройденного тем или иным народом, и окрашенные в религиозные тона, не могут претендовать на универсальный статус, зато с точки зрения практических задач культурного бытия в конкурентной среде глобального мира всегда предпочтительнее чего-то, навязываемого извне. Принцип «своя рубашка ближе к телу» как нельзя точно описывает возврат современного общества эпохи глобализации к религиозно-традиционалистским ценностям.

Новая религиозность и новая глобализация.

Альтернативные проекты глобального развития

Отсюда рождается следующий вопрос: как эта трансформация преломляется в функционировании мир-системы как целого?

В данной статье предлагается подход, тщательно обоснованный в коллективной монографии «Водоразделы секуляризации: западный цивилизационный проект и глобальные альтернативы» [Водоразделы... 2018], согласно которому этот процесс можно осмыслить в концептуалистике конкурентной борьбы альтернативных проектов глобального развития. Прежде, чем говорить об альтернативах, укажем сначала на самый ранний из таких субмиров, американский. Как протопроjekt он появился еще в конце XVIII в., окончательно же оформился как глобализационный проект, не лишенный религиозных интуиций, на рубеже тысячелетий, получив полноценную рефлексию после терактов 9/11.

Образование независимых США можно считать одним из конституирующих новую эпоху событий. Именно с Декларации независимости и Декларации прав человека и гражданина начинается новая эпоха в истории человеческого духа. Однако в отрицании старой эпохи, без которой невозможно утверждение нового, нельзя не видеть и определенной зависимости от этого старого. Если провести параллель с философией, то именно младогегельянцы водрузили на знамя своего похода к «изменению мира» рациональный атеизм, который следовал из гегелевской философии, тогда как сам Гегель может считаться вполне религиозным философом. Поэтому следует с осторожностью относиться к констатациям, подобным приведенной ниже мысли Х. Казановы, в которой, бесспорно, присутствует рациональное зерно: «Американское государство родилось как модерное и секулярное, не нуждаясь ни в каких процессах деконфессионализации, а двойная конституционная формула о запрете внедрения какой-либо религии на государственном уровне и свободное исповедание религии в обществе гарантировало развитие деноминационализма как системы свободного и открытого религиозного плюрализма в обществе» [Casanova 2013, 38].

Религиозное мировосприятие, свойственное для человека XVIII века, тем более в столь отдаленной и необъятной части цивилизованного мира, коей была Америка в то время, не могло вдруг обрести все те атрибуты «модерности» и «секулярности», о которых говорит Казанова. В этом легко убедиться, если обратиться к такому важнейшему документу эпохи, как «Декларация независимости». В ней недвусмысленно излагаются аксиомы мышления эпохи, служащие основанием предпринимаемых эпохальных действий. Во-первых, это религиозная вера (как бы

ее ни интерпретировать), во-вторых, уже вполне современное, но имеющее религиозные же корни убеждение в равенстве людей и наличии у них неотчуждаемых прав: «Когда ход событий приводит к тому, что один из народов вынужден расторгнуть политические узы, связывающие его с другим народом, и занять самостоятельное и равное место среди держав мира, на которое он имеет право по законам природы и ее Творца, уважительное отношение к мнению человечества требует от него разъяснения причин, побудивших его к такому отделению. Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» [США... 1993, 25].

Исходя из этих фундаментальных для национальной идентичности положений, принимая во внимание дух эпохи и зная дальнейшую историю становления США, можно утверждать, что «отсутствие необходимости прибегать к процессам деконфессионализации», о которых говорит Казанова, было связано с убежденностью во вторичности, «устарелости» религиозных отличий перед лицом новой национальной цели. Нация устремляется к этой цели в едином религиозном порыве: «...с твердой уверенностью в покровительстве Божественного Провидения мы клянемся друг другу поддерживать настоящую Декларацию своей жизнью, своим состоянием и своей незапятнанной честью» [США... 1993, 28].

Более оправданным, следовательно, будет предположение о том, что сам «проект» США воспринимался его создателями как религиозный акт обновления социального бытия, а возможно, и архаических форм религии, отступавших в прошлое перед набирающим ход модерном.

До того момента, пока значимость современных максим имела в западной культуре практически религиозный статус, американский проект, видимо, совпадал с западным. Однако начиная как минимум с официальной реакции Вашингтона на события 9/11 и объявления президентом Бушем-младшим «крестового похода против зла нового типа», ситуация меняется. Речи Дж. Буша младшего после событий 11 сентября переполнены примерами апелляции к свободе, демократии и т.д. как к абсолютной форме оправдания любых действий: императив сохранения свободы превращается в инструмент защиты и продвижения национальных

американских интересов. Выступая в Конгрессе 29 января 2002 г., 43-й Президент США заявил, что это большая ответственность и привилегия сражаться за свободу, что Америка будет это делать повсеместно в мире, а американцы увидят «победу свободы» [The President's... 2002]. А в обращении к нации, посвященном началу военной операции в Ираке, кстати, официально называвшейся «Иракская свобода», американский лидер в первых своих словах сказал, что операция направлена на освобождение иракских людей. Завершил же свое послание Дж. Буш младший следующим заверением: «Мы принесем свободу другим и мы восторжествуем» [President... 2003].

Обособление американского проекта и артикуляция его религиозной природы в противоборстве с религиозным же вызовом со стороны ислама стали началом зримого противостояния американского и европейского модернов и положили начало эксплицитной стадии существования альтернативных проектов глобального развития. Процесс религиозного переосмысления и культурной «квантификации» ранее единого просвещенческого современного проекта, в границах которого получали содержательное наполнение категории цивилизации, прогресса, общечеловеческих ценностей и т.д., перешел в новую фазу вместе с кризисом классических представлений об истине, символически проявившим себя в начале 2000-х гг. В качестве своеобразной точки отсчета начала эпохи постправды можно принять знаменитую пробирку Колина Пауэлла в ООН, столь же важную для начала новой эпохи в политической жизни планеты, сколь и с точки зрения начала эры «фейк ньюс».

С этого момента начинают формироваться три неевропейских религиозно мотивированных проекта, которые открыто противопоставляют себя доминирующему в последнее время классическому современному проекту. Это Китайский проект сердцевинных ценностей, Русский мир и Исламский проект. Здесь уместно дать краткую характеристику каждому проекту.

Исламский проект является наименее целостным из трех альтернатив. По состоянию на сегодня внутри него самого идет борьба за право представлять исламский мир вовне. Непротиворечиво можно говорить минимум о четырех таких претендентах: Арабский проект, Иранский проект, Турецкий проект и крайняя форма – Исламское государство [Халиков 2016]. Очевидно, что данные проекты весьма разнородны, вплоть до конфессиональ-

ных различий (сунниты и шииты), при этом единым центром их является ислам. Исламские ценности противопоставляются бездуховному Западу, единственная же надежда на «спасение» человечества состоит в исламизации максимально возможных регионов мира.

Апелляция к партикулярной традиции и историческому праву на продвижение собственных ценностей характерна и для Русского мира. Обоснование такого права относится уже к XVI в., когда в послании к Великому Князю Василию III псковский старец Филофей после падения Константинополя писал: «Церкви старого Рима пали из-за неверия Аполлинариевой ереси; двери церквей второго Рима, города Константинополя, внуки Агари секирами рассекли. Теперь же это – третьего нового Рима, державного твоего царства святая соборная апостольская церковь, которая до края вселенной православной христианской верой по всей земле сильней солнца светится. Два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть; твое христианское царство иным не заменится» [Хрестоматия... 1937, 197]. Уже в начале третьего тысячелетия идея Русского мира была поддержана на самом высоком государственном и церковном уровне: Президент РФ В. Путин [Шудегов 2014] и Патриарх Кирилл [Выступление... 2009] заявили о консолидирующей функции русской культуры, русского слова, русского мира.

Китайский проект с недавнего прошлого теперь подпитывается не только социалистическими/коммунистическими идеалами, а и активно задействует конфуцианскую аксиологию. Значимым в этом процессе является так называемый Документ № 9 [Document 9... 2013], выпущенный ЦК КПК в апреле 2013 г. Циркуляр был рассчитан на узкую партийную аудиторию и рассматривал семь ключевых идеологических вызовов для современного Китая: пропаганда всеобщих ценностей, пропаганда гражданского общества, пропаганда западной демократии, пропаганда неолиберализма, пропаганда западного взгляда на СМИ и др. От рефлексии до практических действий прошло не так много времени, и уже в 2015 г. Юань Гуйжэнь, министр образования КНР, заявил: «Следует укрепить контроль за использованием западных оригинальных учебных пособий, нельзя позволить учебным пособиям, пропагандирующим западные ценностные воззрения, входить в наши аудитории» [цит. по: Ломанов 2015]. Президент же Академии наук Китая Ван Вэйгуан универсализировал высказанные мини-

стром опасения, указав, что Запад навязывает свои собственные ценности, пытаясь выдать их за всеобщие, то же происходит и с историческим процессом, который предлагается понимать, исходя из западной модели.

В противовес такой глобализационной западной аксиологии в отчетном докладе ЦК на XVIII съезде (ноябрь 2012 г.) был официально представлен список «сердцевинных социалистических ценностных воззрений». Он содержит двенадцать пунктов, сгруппированных в три блока. Ценности государства – богатство и сила, демократия, цивилизация, гармония. Ценности общества – свобода, равенство, справедливость, правовое правление. Ценности индивида – патриотизм, преданность делу, честность, дружелюбность. Эту ценностную концепцию, которая была представлена еще Ху Цзиньтао, окончательно укоренил в конфуцианскую почву Си Цзиньпин, указав, что они должны базироваться на «соблюдении доверия», «почтении справедливости», «возвышении гармонии», «стремлении к Великому единению». Эти максимы являются принципами раннего конфуцианства, составляющими этос мудрого правления Поднебесной. В связи с этим А. Ломанов пишет, что «Си Цзиньпин стал первым руководителем КПК, заявившим о необходимости использовать конфуцианство для государственного управления» [Ломанов 2015, 148].

Отдельно следует сказать, что идеология «сердцевинных ценностей» имеет два вектора. С одной стороны, она обладает мощным консолидирующим потенциалом внутри самого Китая, объединяя нацию вокруг традиционных ценностей и тем самым отвечая на идеологическую экспансию Запада [Bell 2015]. С другой – используется во внешнем продвижении, в первую очередь по отношению к соседям, к которым объявлена политика «родственности» и «инклюзивности».

В эту же логику вписывается выступление Си Цзиньпина на Давосском форуме в 2017 г. (он первым из китайских лидеров посетил Давос). С этого момента китайский проект эксплицитно вступил в конкурентную борьбу глобальных альтернатив. Инфраструктурные же проекты, иницилируемые Китаем, масштаба Никарагуанского канала, который должен стать альтернативой Панамскому, или «Один пояс – один путь» следует рассматривать как прикладную имплементацию этой глобализационной стратегии.

Заключение

Обобщая вышесказанное, следует сказать, что все эти три проекта вступают в открытую конкурентную борьбу с Западным проектом, используя его методологию и технологию, но формируясь при этом вокруг собственных традиционных и религиозных ценностей. Сегодня, когда вера в единый разум уходит в прошлое, а вместе с ней и классическая теория модернизации, предполагавшая единую модель осовременивания, мир стал фрагментироваться и группироваться вокруг партикулярных ценностей. В таком случае вместо конкурентного движения по единому пути к единой же общезначимой Истине сегодня мы имеем партикулярные истины, которые используются как инструменты продвижения альтернативных проектов глобального развития.

Следующим логичным шагом в этом рассуждении является признание аксиологической доминанты в этих проектах. Они строятся, исходя из партикулярных ценностей, глубоко укоренены в локальную традицию, активно используют религию для своего продвижения, обращаются к потенциалу языка, в целом организуются вокруг определенной культуры. Суммируя все это, можно сказать, что речь идет о построении некоторых субмиров как ценностно-смысловых универсумов. В них реципиенты одинаково понимают прошлое, разделяют общие ценности и отстаивают совместное будущее. Эти проекты уже сознательно и эксплицитно не являются универсальными, не рассчитывают покрыть всю планету, но тем не менее стремятся максимально расширить свой ареал.

Очевидно, что культурная близость в таком контексте становится фундаментальным ресурсом. Природа этих субмиров и подразумевает под собой в первую очередь культурную составляющую. Расширение же этих субмиров происходит не в результате присоединения территорий или переселения народов, а в результате усвоения форм-образцов мышления, свойственных данным смысловым универсумам. Включение территории (страны) в фарватер определенного проекта глобального развития и является формой его (проекта) расширения. Естественно, происходит это на базе культурной комплиментарности.

Как кажется, именно такая оптика является наиболее эвристичной для анализа российско-западных отношений, особенно в контексте украинского кризиса. Речь идет о борьбе на территории Украины двух проектов глобального развития: Западного и Российского. В первую очередь происходит она не в политической,

экономической и даже не в военной сфере: это противостояние происходит в идеологической области. В этом контексте цель западного проекта – показать принципиальное отличие российской и украинской культуры, проиллюстрировать различное понимание истории, максимально вытеснить русский язык и, наконец, отделить церковь. В результате чего Западный проект расширяется за счет Украины, Россия пропорционально теряет свое влияние на этих территориях, Украина же в этом контексте остается страдательным объектом чужой воли. Вряд ли такой сценарий можно признать оптимальным как минимум для наших стран и народов.

В качестве резюме несколько пунктов. Во-первых, мы присутствуем при тектонических сдвигах культуры, сопоставимых с культурными революциями прошлого, каждый раз порождавшими новый тип цивилизации. Во-вторых, современная трансформация связана с кризисом универсального разума. В-третьих, на уровне геополитических процессов это приводит к появлению альтернативных проектов глобального развития, базирующихся на партикулярных ценностях. В-четвертых, на современном этапе ценностной конкурентной борьбы этих проектов культурная близость оказывается фундаментальным ресурсом, обеспечивающим формирование единого смыслового универсума. В-пятых, украинский сегмент российско-западных отношений необходимо рассматривать именно в таком ключе, где борьба идет за мировоззрение реципиентов, готовых победителя этой борьбы признать источником собственной культурной традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Oxford Dictionary так определяет термин-неологизм 2016 г.: «Пост-правда — обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям». См.: [Post-Truth].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Водоразделы... 2018 – Водоразделы секуляризации: западный цивилизационный проект и глобальные альтернативы / под ред. А. Белокобыльского, В. Левицкого. – М.: Академический проект, 2018.

Выступление... 2009 – Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном открытии III Ассамблеи Русского мира // Официальный сайт Московского патриархата. 3 ноября 2009. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/928446.html>

Гуссерль 1994 – *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // Философия как строгая наука. – Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 101–126.

США... 1993 – Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / под ред. О.А. Жидкова. – М.: Прогресс; Универс, 1993.

Ломанов 2015 – *Ломанов А.В.* Общий знаменатель нации // Россия в глобальной политике. 2015. № 5. С. 138–152.

Халиков 2016 – *Халиков Р.* Исламський проект розвитку світу: витоки, глобальна мобілізація, війна в Сирі // Український інститут стратегій глобального розвитку і адаптації. Дослідження. – URL: https://uisgda.com/ua/slamskij_proekt_rozvitku_svtu_vitoki_globalna_moblzacya_vjna_v_sir_skorochena_versya.html

Хрестоматия... 1937 – Хрестоматия по истории СССР. Т. I / сост. В.И. Лебедев и др. – М.: Учпедгиз, 1937.

Шудегов 2014 – *Шудегов В.Е.* Необходимо с новой силой взяться за проблему поддержки русского языка // Официальный сайт политической партии «Справедливая Россия». 18 апреля 2014. – URL: <http://www.spravedlivo.ru/5983210>

Bell 2015 – *Bell D.* The China Model Political Meritocracy and the Limits of Democracy. – Princeton: Princeton University Press, 2015.

Casanova 2013 – *Casanova J.* Exploring the Postsecular: Three Meanings of “the Secular” and Their Possible Transcendence // *Calhoun C., Mendietta E., Van Antwerpen J.* (Eds.) Habermas and Religion. – Cambridge, UK: Polity Press, 2013. P. 27–48.

Document 9... 2013 – Document 9: How Much Is a Hardline Party Directive Shaping China’s Current Political Climate? // ChinaFile. November 8, 2013. – URL: <http://www.chinafile.com/document-9-chinafile-translation>

Fuller 2018 – *Fuller S.* Post-Truth: Knowledge as a Power Game. – London: Anthem Press, 2018.

Jasanoff, Simmet 2017 – *Jasanoff S., Simmet H.R.* No Funeral Bells // Social Studies of Science. 2017. Vol 47. No. 5. P. 751–770.

Post-Truth – Post-Truth // Oxford Living Dictionaries. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth>

President... 2003 – President Bush Addresses the Nation // The White House. Office of the Press Secretary. March 19, 2003. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/20030319-17.html>

The Movement... 2018 – The Movement: How Steve Bannon is Spreading Populist Trump-Style Politics across Europe // Independent. September 27, 2018. – URL: https://www.independent.co.uk/news/long_reads/steve-bannon-the-movement-europe-populist-nationalism-trump-a8557156.html

The President’s... 2002 – The President’s State of the Union Address. // The White House. Office of the Press Secretary. January 29, 2002 – URL: <http://whitehouse.georgewbush.org/news/2002/012902-SOTU.asp>

REFERENCES

Bell D. (2015) *The China Model Political Meritocracy and the Limits of Democracy*. Princeton: Princeton University Press.

Belokobyl'skiy O. & Levytskiy V. (Eds) (2018) *Watersheds of secularization: Western civilization project and global alternatives*. Moscow: Akademicheskii proekt (in Russian).

Casanova J. (2013) *Exploring the Postsecular: Three Meanings of "the Secular" and Their Possible Transcendence*. In: Calhoun C., Mendieta E., & Van Antwerpen J. (Eds.) *Habermas and Religion* (pp. 27–48). Cambridge, UK: Polity Press.

Document 9: How Much Is a Hardline Party Directive Shaping China's Current Political Climate? (2013, November 8) Retrieved from <http://www.chinafile.com/document-9-chinafile-translation>

Fuller S. (2018) *Post-Truth: Knowledge as a Power Game*. London: Anthem Press.

Husserl E. (1936) *Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie* (Russian translation in: Husserl E. *Philosophy as Science* (pp. 101–126). Novochercassk: Saguna).

Jasanoff S. & Simmet H.R. (2017) No Funeral Bells. *Social Studies of Science*. Vol 47, no. 5, pp. 751–770.

Khalikov R. (2016) Islamic World Development Project: Origins, Global Mobilization, War in Syria. *Ukrainian Institute of Strategies of Global Development and Adaptation. Researches*. Retrieved from https://uisgda.com/ua/slamskij_proekt_rozvitku_svtu_vitoki_globalna_moblzacya_vjna_v_sir_skorochena_versya.html (in Ukrainian).

Lebedev V.I. (Comp.) (1937) *Anthology on the History of the USSR*. Moscow: Uchpedgiz (in Russian).

Lomanov A.V. (2015) Common Denominator of the Nation. *Russia in Global Affairs*. 2015. No. 5, pp. 138–152 (In Russian).

Post-Truth. (n.d.) In: *Oxford Living Dictionaries*. Retrieved from <https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth>

President Bush Addresses the Nation. (2003, March 19) Retrieved from <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/20030319-17.html>

The Movement: How Steve Bannon is Spreading Populist Trump-Style Politics across Europe (2018, September 27). *Independent*. Retrieved from https://www.independent.co.uk/news/long_reads/steve-bannon-the-movement-europe-populist-nationalism-trump-a8557156.html

The President's State of the Union Address. // The White House. Office of the Press Secretary. (2002, January 29) Retrieved from <http://whitehouse.georgewbush.org/news/2002/012902-SOTU.asp>

Zhidkov O.A. (Ed.) *The United State of America: The Constitution and Legislation* (Russian translation).